

Александр БАРЫКИН:

Уносимый ветром под названием «Р»

(Начало на 1-й стр.)

В том мелодическом климате, который установился и характеризуется доминантой рева и чрезмерной громкости, Барыкин обнародовал вещи откровенно задушевные, сентиментальные и по большей части негромкие.

Кто как, но Саша о Любви привык изъясняться пряным языком реггей.

Двадцать лет он играл рок-н-ролл, на эту тему говорит охотно и ласково, но когда заходит речь про наследование великих традиций Боба Марли, в его словах - трепет.

Красный цветок боярышника. Реггей (со слов дедушки русского реггей Саша Барыкина): это изумрудная листва; пурпурные головки багрянки; забор с надписью «я тебя люблю» (без восклицательного почему-то); серенада пусть даже не солнечной долины; шепот в темном гостиничном номере; луч, просочившийся сквозь шторы; белый рояль; царпина после дискотеки на подбородке; пиетет к саксофонисту; море, пальмы и жарынь, скрашиваемая спортивной газетой; связка бананов и капельки пота в ложбинке... Прошу у вас прощения за вольную интерпретацию полу-часового монолога Саши Барыкина на тему, что такое - реггей.

В монологе было много всего, монолог иллюстрировался доброй Сашиней улыбочкой.

Пляжный этюд. Написал про нечто морское, а от операции отходил там, где приедем и не отзывает - на Кавказе, где супруге Гале в наследство достался домик - лучшее место зализывания

ран. Там было время помозговать, избавиться от отчаяния и понять, что надо биться за возвращение. Даром, что новые времена привнесли изобилие новых имен, но говоря про новые ритмы. Но минор мало-помалу выпал в осадок. Горло не фурычило, но что делать с безмолвно осенявшими ажурными ходами?

Они нарождались, переплетались, сливались в одно более-менее целое, это целое выкристаллизовывалось, получалась - Песня.

Одна песня, другая, третья - что-то с ними надо делать. Страшно, если сам не в состоянии, а песни множатся...ага, вот выход: будем презентовать друзьям!

Саша Барыкин - человек сугубой щедрости.

Чистые ризы родительского идеала. Поколенческий сюжет двумя словами не исчерпать. Я поклонялся сыну г-на Барыкина Гоце, что никогда не буду привязывать его к отцовскому высокому имени. Директор обоих Дима Федякин, живущий так, будто его все устраивает, являющий собой вымерший среди моих ровесников тип ровного молодого да раннего, настаивал: «Самостоятельный артист, у него свой вес. Младший - натура очень принципиальная, даже в искусстве желает идти по иной стезе».

С Гошей я общался в Калмыкии, в Севастополе, в Москве: он достаточно себе на уме, никакой саморекламы, никакого бienia в грудь, но его отец экспрессивно дал такую оценку готовящемуся альбому Георгия: «Очень мощный, очень модный».

Папа хвалебно аттестует его одаренность, но тут же рассказывает, как приходится напрягать в силу струны из-за лени-матушки.

(Сын говорит, что ничего такого в природе нет: вовсе он не ленивый...но, впрочем, по временам не прочь и пофилософствоваться).

Галька, как калька. Никакая не Галька, но Галя. Так величать судьбу артиста Барыкина. Женщину, помутившую его разум Тогда и обожаемую им Сейчас. В союзе Саши и Гали - ну, про это можно было бы и не спрашивать - не все и не всегда было гладко, бывали наверняка времена, когда негодяй - попутный ветер обихаживал других, когда напасти шли на таран...но они вместе, и я люблюсь на них со стороны и молюсь за их сердешную унию. Говорю вам, идиллии в Барыкинской фамилии, может быть, и нет, но есть одухотворенная способность просто любить.

Иначе **такие** песни не писались бы.

Пудреница. Тема стихосло-

жения в советской полсововой культуре, очень актуальная для редактора «НР», - предмет все более сатирический. Цинично говоря, это всегдашний тренажер для упражнений в остроумии. Поп множится со скоростью дрозодилы, и кому-то надо заниматься сочинением рифм, даже сугубо элементарных. Тупых, как кочерга, - даже по степени тупости есть своя градация среди текстостиков.

Даже в этом Бог воздал Барыкину, послав ему пиита Аркадия Славоросова.

Он оттуда же, из Люберец, и в зависимости от его установки, опыт преломляется в разные идеи: иногда эмоции выше разию, иногда разию выше эмоций. Но всегда это классно.

Славоросов укладывается в компактную форму красивой мелодии, и мелодия становится еще краше: ибо обзаводится Душой.

Мандарин. Об универсальном Славоросове я заговорил не случайно. Хотел сначала сказать, что окружение Барыкина - особое по рекордно высокой репутации, и в этом окружении нет ни одной случайной души, ни одной морды. Я не знаю, каков метод селекционного характера, каким оперирует Саша Барыкин, но факт есть факт, и я его обозначил.

А теперь я спрошу вас, постигших науку жестокосердной жизни: случайно ли наше окружение на все сто процентов? Если не на все сто, то на сколько?

Он честно жил как жил, играл как играл, к темному не примыкал, в политику не лез, и это нравилось. Нормальным людям нравилось.

Букварь. Кого ни назови из наших артбойцов, они вовсе не бойцы, а какие-то жертвы бешеного демона разгульной жизни. В голливудском контексте у нас как-то не принято толковать об артистах. Поборовши какие-то комплексы, надо признать, что следовать за формой - это первостепенный пункт для артиста. В идеале. Но этого нет.

А в случае Саши это есть, моложе его я мало кого знаю.

Наша зрительская жизнь обязана быть украшенной красивыми артистами, и Саша Барыкин уважает наши права, не позволяя своей наружности становиться менее лощеной, чем она есть. О, это очень важный эстетический момент! Теперь ведь можно плевать на режим, жрать без конца водку, чревоугодничать, а на укоризну - прикрываться стилем «гранж» и присовокупить еще несколько слов про соответствие такой расхристанности безвременью, измочалившему нас.

Штанга. Сашина «карнавальная» жизнь вошла в колено не в последнюю голову благодаря спорту. Да, звучит дежурно, но про «Старко», где наши любимцы гоняют мяч, вы уже слышали. Это развитие предыдущей главы - о жестокой обязанности артиста не распускаться.

Но для Саши игра, тренировки - это стихия, в которую окунуться одно удовольствие.

Как и для сына.

Как и для директора - Димы Федякина.

Футбол может быть философией, религией.

Это его фраза, я ее запомнил, потому что о самом Саше она тоже много говорит.

Испорченный телефон. Саша, я знаю, что для тебя не проблем - спеть слезливую балладу, потом тяжелый рок, после тяжелого рока нечто дискотечное, потом на круги своя воротиться и начинать по-новому, и делать все, пусть и в радость, на износ.

Я знаю про твою феноменальную деликатность (пару раз даже, стыдно открыть, спекулировал на ней).

Я знаю про все возрастающую требовательность к тем, кто рядом, и, допустим, к стихам, в чем тоже знак мудрости, но учитывающая твою феноменальную деликатность, про которую смотрите выше...все-таки больших проблем люди с тобой не испытывают (но людей благодарить не буду принципиально).

Я знаю, как редки примеры гармонии - имею в виду человеческие экземпляры - а ты - таков.

Я знаю, как трудно сочетать Поэзию и Прозу. Да каждый знает!

Мы встревожены буднями, окрашенными в рыночные тона, мы газуем на всю катушку, не в силах притормозить, но Саша Барыкин так хитро и ненавязчиво все рассчитал, не рассчитывая, что, когда мы тормозим, мы слышим его реггей.

Этот реггей, этот голос вдохновляет нас идти дальше.

Под шум дождя, по пляжной гальке, в зной, в никуда - но Идти.

ОТАР КУШАНАШВИЛИ.

Моск. правда, -1994- 22 дек - 43,5